

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕНОСЫ В ЛИРИКЕ Е.А. БАРАТЫНСКОГО В КОНТЕКСТЕ ПУШКИНСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье излагаются результаты исследования лирики Е.А. Баратынского в аспекте функционирования в ней стихотворных переносов (enjambements). Выявленный авторами материал анализируется с точки зрения частотности и структуры. Полученные статистические данные осмысляются в контексте аналогичных данных по лирике А.С. Пушкина. Показывается своеобразие усвоения пушкинской традиции Баратынским – стихотворцем, искавшим «собственную дорогу» в поэзии.

Ключевые слова: Баратынский Е.А., стихосложение, стихотворный синтаксис, стихотворный перенос (enjambement), лирика.

Стихотворный перенос (enjambement – далее **enj**) изучался лингвистами и литературоведами нескольких поколений.¹ В настоящее время, помимо теоретических проблем **enj**, связанных с выяснением ритмико-синтаксической природы переноса [7], его изобразительно-выразительных возможностей [15], взаимодействия с другими формантами [6] и др., активно исследуется **enj** как фактор индивидуального стиля; появились специальные работы о переносах В. Жуковского [12], А. Пушкина [11;17], М. Лермонтова [11], Н. Некрасова [2], Вяч. Иванова [13] и др. Предлагаемая статья посвящена стихотворным переносам выдающегося поэта пушкинской поры Е.А. Баратынского. Избранный для исследования контекст – «контекст пушкинской традиции» – определяется не только самим общеизвестным фактом принадлежности Баратынского к поэтам пушкинского круга, но и тем (также известным) обстоятельством, что Баратынский стремился противостоять мощному влиянию пушкинской традиции и идти «собственной дорогой» [1:326]. В связи с последним литературоведами сделано много ценных замечаний в идейно-тематическом плане и в плане поэтики [4;14;16], однако переносы двух поэтов будут сопоставлены нами впервые.

Исследование **enj** Баратынского выполнено по авторитетному научному изданию Библиотеки поэта б.с. (Баратынский, Е.А. Полное собрание стихотворений. –Л.: Сов. писатель, 1989) [1]. Исследованием охвачено 233 стихотворения поэта (5463 строки). В это число не во-

дят стихотворения, написанные в соавторстве с другими поэтами, и стихотворения, приписываемые Баратынскому. Данные по **enj** лирики Пушкина взяты из ранее опубликованной работы одного из авторов статьи [11]. Эпизодически в качестве фона привлекались сведения по **enj** В. Жуковского [12], М. Лермонтова [11], а также поэмам самого Баратынского [9].

Переносы Баратынского исследованы с точки зрения частотности и структуры в синхроническом и диахроническом аспектах. По поводу избранных подходов сделаем три замечания.

Первое. Частотность определялась по ранее принятой методике выявления стихотворных переносов, отраженной в формулировке: **enj** возникает тогда, когда синтаксические вертикальные связи «оказываются сильнее горизонтальных, и он не возникает, если вертикальные связи по силе меньше или равны горизонтальным» [8:191-192]. Сформулированное С.А. Матяш правило не перечеркивает признаваемую всеми стиховедами роль внутрстиховой паузы, на которую в свое время справедливо указал В.М. Жирмунский [5], но не абсолютизирует эту роль. Переносы могут образовываться как при наличии внутрстиховой паузы («Прости, поэт! Судьбина вновь / Мне посох странника вручила <...>»² – «К Кюхельбекеру», 1820), так и при ее отсутствии («Пред помыслом оправданным ты ниц / Падешь с признательным смиреньем <...>» – «Осень», 1836-1837); более того, они не образуются подчас и при наличии внутрстиховой паузы, если после нее на

¹ Обзор исследований стихотворного переноса см. в работах Лобановой [7], С.А. Матяш [8], Г.А. Бокушевой [2] и др.

² Здесь и далее оставленные или перенесенные слова подчеркиваются, курсивом маркируются слова, с которыми у оставленных или перенесенных слов образуется синтаксическая связь.

строке возникают сильные горизонтальные связи («И – как узнуть? – в стране чужой / Окончу я мой век унылый <...>» – «Тебе на память в книге сей...», 1819). Сила синтаксических связей определялась по иерархии силы синтаксических связей, разработанной М.Л. Гаспаровым и Т.В. Скулачевской [3:31-32; 270-271].

Второе. Структура переносов в лирике Баратынского описывалась по следующим параметрам: 1) соотношение типов *rjet* (**r**), *contre-rejet* (**c-r**), *double-rejet* (**d-r**); 2) соотношение контактных и дистантных связей между словами, разорванными концом строки; 3) набор и частотность типов синтаксических связей по вертикали. Системное описание **enj** по перечисленным параметрам, с рассмотрением их пересечений, предложено одним из авторов настоящей статьи [9] и уже применялось при анализе различного материала, в том числе переносов в лирике Пушкина [11], выступающих для **enj** лирики Баратынского в качестве главного контекста. Результаты статистического анализа **enj** Баратынского по перечисленным параметрам сведены в три таблицы.

Третье. В наших данных, помещенных в таблицы 1-3, синхронический аспект анализа находит отражение в графе «лирика в целом». При анализе **enj** Баратынского в диахроническом аспекте мы руководствовались периодизацией С.А. Шахвердова, основанной на учете динамики метрических и строфических форм [18:299]. Переносы Баратынского мы рассмотрели по трем периодам: I – 1817-1824 – ранняя лирика (на эти годы приходится создание стихотворений, составивших сборник «Стихотворения Евгения Баратынского», 1827); II – 1825-1831 – зрелая лирика; III – 1832-1844 – поздняя лирика, включающая стихотворения сборника «Сумерки» (1842).

Четвертое замечание касается самого материала. В стиховедческой литературе подчас особо анализируются переносы слоговые, строчные, строфические. В этой связи отметим, что слоговых **enj** у Баратынского нет, строфический **enj** – всего один в стихотворении «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...», 1840 (его семантическая значимость была отмечена Л.Я. Гинзбург [4:83]); основную массу переносов составляют переносы строчные; они и стали предметом нашего исследования в названных выше аспектах.

Частотность. Как видно из таблицы 1, переносы в лирике Баратынского составляют 2,1%. Этот показатель говорит о том, что, хотя стихотворные переносы есть во многих стихотворениях поэта, в том числе и в широко известных («Мой дар убог, и голос мой негромок...», «Толпе тревожный день приветен, но страшна...», «Все мысль да мысль! Художник бедный слова!..» и др.), а в некоторых стихотворениях («К чему невольнику мечтания свободы?..», «Сначала мысль воплощена...», «На кровы ближнего селенья...» и др.) переносы составляют более 20%, т.е. в среднем появляются в каждой пятой строке, в целом Баратынский-стихотворец употреблял этот ритмико-синтаксический прием сдержанно. В плане частности Баратынский может быть вполне сопоставим с Пушкиным, у которого средний показатель **enj** в лирике равен 1,9%. Сдержанность обоих поэтов в употреблении **enj** особенно видна на фоне значительно более высокого показателя **enj** в лирике М. Лермонтова (4,2%) и особенно на фоне их собственной крупной формы: у Пушкина **enj** в «Борисе Годунове» находится в пределах 10%, в «Домике в Коломне», «Маленьких трагедиях» и «Медном всаднике» – в пределах 20%; у Баратынского – относительно (в сравнении с лирикой) высокий показатель частотности **enj** в 4-стопном амфибрахийском эпосе (в «Эде» – 8,0%, в «Цыганке» – 7,4%).

Диахронический взгляд на представленные в таблице 1 статистические данные обнаруживает тенденцию медленного, но неуклонного повышения частотности – от 1,6% в первом периоде до 2,9% – в третьем. В диахроническом плане Баратынский также может быть сближен с Пушкиным, у которого в лирике было отчетливо выражено увеличение частотности **enj** – от 1% до 3,2%. У двух поэтов совпадают траектории движения, а также – не тождественные, но близкие – конечные показатели. Отличие наблюдается в начальном периоде (10-е – первая половина 20-х гг.): при общей у обоих поэтов сдержанности обращения к **enj**, показатель **enj** Баратынского в полтора раза больше.

Типы переносов. В лирике Баратынского функционируют три, традиционно в стиховедении выделяемые, типа **enj**: **r** («Назначенным путем неведомая сила / Влечет. <...>» – «К чему невольнику мечтания свободы?..», <1832>), **c-r** («Что нужды! До новоселья / Поживем и поша-

лим – «Больной», <1821>), **d-r** («Дорожка смелая ведет меня... *обвал* / *Вдруг поглотил ее...* Я стал <...>» – «Запустение», 1832). Частотность трех типов – разная. Как видно из данных Таблицы 1, среди типов **enj** решительно преобладает тип **c-r**, которого 69,5%. Типа **d-r** – более чем в три раза меньше (22,2%), а тип **r** занимает всего 8,5%. Пропорции типов **enj** несомненно свидетельствуют об усвоении Баратынским пушкинской традиции, поскольку у Пушкина **c-r** оставляет 61,6%, **d-r** – 31,4%, **r** – всего 7,0%. Помимо несомненной близости пропорций следует отметить также то, что в лирике Баратынского, в сравнении с Пушкиным, больше **c-r**. Если помнить, что **c-r** являлся фаворитом среди типов пушкинских **enj** во всех жанрово-родовых группах (см. [9]) и был яркой приметой пушкинского переносного стиля, то следует констатировать, что Баратынский эту приметку не только сохраняет, но даже утрирует.

Диахронический взгляд показывает, что **c-r** Баратынского остается лидером на протяжении всего лирического творчества. В первом и втором периодах показатели **c-r** превышают средний, но в третьем, итоговом, периоде, когда, как отмечалось выше, **enj** функционирует наиболее интенсивно, доля **c-r** уменьшилась почти в полтора раза – с 78,1% до 59,1%. Показатели других типов увеличиваются: **r** – 11,4%, **d-r** – 29,5%.

Эволюция соотношения типов **enj** Баратынского идет в том же направлении, что и у Пушкина. У Пушкина в раннем периоде творчества отрыв **c-r** от других типов максимальный (показатели **r**, **c-r**, **d-r** – соответственно равны 7,7:76,9:15,4), а в позднем – сокращается (показатели **r**, **c-r**, **d-r** – соответственно – равны 6,6:54,7:38,7), т.е. у Пушкина, как и у Баратынского, изменение затрагивает преимущественно тип **c-r**, доля которого сокращается примерно в полтора раза. Индивидуальность Баратынского заключается в том, что у него заметно меньше (примерно на 10%) типа **d-r** (более высокий показатель **d-r** Пушкина – очевидно, результат влияния на лирику поэта опытов драматического стиха) и заметно больше (примерно в полтора раза) типа **r**. Последний факт особенно примечателен, поскольку доля **r** в русской поэзии, как правило, невелика.

Контактные и дистантные связи. В структуре **enj** лирики Баратынского есть случаи контактных синтаксических связей (когда между

словами, разорванными концом строки, нулевой словный интервал: «Что торпиться? Мне ль наскучит / Лелеять свой цветок?» – «Цветок», 1821) и случаи дистантных синтаксических связей (когда между словами, разорванными концом строки, интервал, как правило, в 1-2 слова: «И что ж? нечаянно они / Ее в Цитере повстречали.» – «Чтоб очаровывать сердца...», 1821). В таблице 2 представлена доля контактных связей; на долю дистантных приходится оставшаяся от 100% часть. Как видно из таблицы 2, соотношение контактных и дистантных связей в **enj** лирики Баратынского разное и в трех типах, и в трех периодах творчества. В целом в **enj** лирики поэта больше дистантных связей, так как зафиксированный в таблице показатель контактных (48,3%) составляет меньше половины. Этот заниженный показатель – за счет упавшей (до 39%) доли контактных связей в господствующем типе **c-r**. В двух других типах (**r**, **d-r**) контактные побеждают дистантные: на их долю приходится соответственно 80% и 61,5%. То обстоятельство, что в типе **c-r** у разных поэтов дистантных связей больше, чем в других типах, уже отмечалось (см. [9]), но **enj** Баратынского с точки зрения соотношения в них **к/д** дает разительное различие типов. Пушкин, начав внедрять **enj** в 4-стопнымбический эпос, первое время отдавал предпочтение дистантным связям – в «Руслане и Людмиле», 1817-1820, «Кавказском пленнике», 1821, «Цыганах», 1824; больше половины (53,3%) дистантных и в позднем «Медном всаднике», 1833 [9], но в лирических **enj** (см. таблицу 2) у поэта больше половины контактных связей («... И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий / Тунгус, и друг степей калмык.» – «Памятник», 1836). В лирических **enj** Пушкина контактных больше во всех типах, особенно в типе **d-r** («Альфонсов конь всхрапел и боком / Прошел их мимо, и потом / Понесся резко...» – «Альфонс садится на коня...», 1836), а не в **r**, как у Баратынского («Взамену снов младых тебе не обрести / Покою, последних лет отрады <...> – «Зачем, о Делия!..», <1822>, <1826>): очевидно, для Пушкина был значим опыт драматического стиха, в котором высокий показатель **d-r** сопровождался ростом контактных связей.

В связи с рассмотрением вопроса о соотношении **к/д** связей следует особо отметить наличие среди **enj** Баратынского так называемых

«затяжных» переносов, когда оставленное (или перенесенное) слово на пути к слову, с которым у него может возникнуть синтаксическая связь, встречает какое-либо препятствие. В этом случае словный интервал между разделенными концом строки словами увеличивается, а вся структура **enj** занимает не две строки, как в обычных переносах, а три и более (подробнее о «затяжных» переносах см. [10]). У «затяжных» **enj** Баратынского максимальное число слов (слов, в терминологии М.Л. Гаспарова, «метрических», т.е. с энклитиками и проклитиками) – 5, строк – 3 («...» Махну рукой: по старине / На сером волке, сивке-бурке / Он мигом явится ко мне.» – «Слыхал, я, добрые друзья...», 1828). Более детально «затяжные» **enj** Баратынского будут рассмотрены в специальной работе.

Диахронический аспект анализа соотношения контактных и дистантных связей показывает, что примерное равновесие **к/д** во всех типах **enj** наблюдается только в первом периоде, в последующих периодах в **с-г** контактные падают, в **г, d-г** – поднимаются. Траектория эволюции структуры **enj** Баратынского по этому параметру отличается от пушкинской: у Пушкина в целом доля контактных последовательно увеличивается, что предсказуемо, но в типах картина неожиданно меняется: увеличивается в **с-г** и уменьшается в **г, d-г**, т.е. манера двух поэтов меняется по-разному.

Набор и частотность синтаксических связей представлены в таблице 3. Из статистических данных видно, что в **enj** лирики Баратынского широкий диапазон связей: есть все связи, кроме сочинительных (**Сч**). Лидируют связи **Об** (обстоятельственные: «Все тот же сердцем, ныне снова / Я повторяю свой обет» – «К Алине», 1819) и **Пр** (предикативные: «<...> Подумай, мы ли / Переменили жизнь свою...» – «Пряатель строгий, ты не прав...» <1821>); соотношение двух лидеров 28,8:27,1. Третье место занима-

ют связи **Дк** (с дополнением косвенным: «Покинем рощу, где для нас / Часы летели как мгновенья!» – «На кровы ближнего селенья...», <1822>), на долю которых приходится 21,2%; ощутимы (8,5) и связи **Дп** (с прямым дополнением: «Ах! об одном: не пережить / Тебя, друг милый, друг сердечный.» – «Отрывок», 1829). Особенностью репертуара синтаксических связей Баратынского является, с одной стороны, наличие **Св** (сверхсильных связей при разрыве составного глагольного сказуемого: «Что торопиться? Мне ль наскучит / Лелеять свой цветок?» – «Цветок», 1821), а также сильных **Оп** (определяющих: «Юный красавец сидел, горделиво-задумчив, и, смехом / горьким смеясь, на

Таблица 1. Частотность и типы переносов (**enj**) в лирике Баратынского и Пушкина

Годы	Кол-во строк	Кол-во enj	Частотность	г	с-г	d-г
Баратынский						
1817-1824	2593	42	1,6	7,1	73,8	19,0
1825-1831	1341	32	2,4	6,2	78,1	15,6
1832-1844	1529	44	2,9	11,4	59,1	29,5
Лирика в целом	5463	118	2,1	8,5	69,5	22,0
Пушкин						
1813-1824	11598	119	1,0	7,7	76,9	15,4
1825-1836	8067	256	3,2	6,6	54,7	38,7
Лирика в целом	19665	375	1,9	7,0	61,6	31,4

Таблица 2. Доля контактных связей при переносах (в процентах от числа переносов в типе)

Годы	Всего	г	с-г	d-г	enj
Баратынский					
1817-1824	52,4	66,7	51,6	50,0	42
1825-1831	37,5	100,0	28,0	60,0	32
1832-1844	52,3	80,0	34,6	69,2	44
Лирика в целом	48,3	80,0	39,0	61,5	118
Пушкин					
1813-1824	53,8	55,5	50,0	72,9	119
1825-1836	57,0	53,0	55,0	60,6	256
Лирика в целом	55,8	53,8	52,6	62,4	375

Таблица 3. Набор и частотность синтаксических связей (в процентах от общего количества переносов)

Годы	Св	Оп	Дп	Дк	Об	Пр	Од	От	Пч	?
Баратынский										
1817-1824	11,9	2,4	11,9	23,8	28,6	19,0	-	-	2,4	-
1825-1831	3,1	3,1	9,4	18,7	37,6	21,9	-	3,1	3,1	-
1832-1844	-	6,8	4,6	20,4	22,7	38,6	4,6	2,3	-	-
Лирика в целом	5,1	4,2	8,5	21,2	28,8	27,1	1,7	1,7	1,7	-
Пушкин										
1813-1824	8,4	2,5	7,6	18,5	35,3	21,0	2,5	4,2	-	-
1825-1836	8,6	2,7	9,0	16,0	34,7	20,3	4,7	1,6	1,6	0,8
Лирика в целом	8,5	2,7	8,5	16,8	34,9	20,6	4,0	2,4	1,1	0,5

него мужи казали перстом...» – «Алкивиад», <1835>); с другой стороны, наличие, хотя и в небольшом количестве, связей слабых – **От** (при вводных словах и обособленных оборотах: «Мила, как грация, скромна, / *Как Сандрильона...*» – «Мила, как грация...», 1824) и **Пч** (подчинительных: «Но почему чужая слава / Его так бесит?» – *Потому, / Что славы хочется ему* <...> – «Эпиграмма», 1830).

Своеобразие синтаксических связей в **enj** лирики Баратынского становится особо очевидным при рассмотрении их в пушкинском контексте. У Пушкина такой же широкий набор синтаксических связей, те же лидеры – **Об**, **Пр**, **Дк**. Однако соотношение лидеров у двух стихотворцев разное. У Пушкина **Об** – фаворит, обстоятельственные связи – самые частотные во всех родах и жанрах. В лирике **Об** в два раза больше **Дк** и в полтора раза больше **Пр**. Баратынский значительно сокращает **Об**, за счет этого сокращения **Дк** уступают **Об** только в 1,3 раза, а **Пр** практически сравнялись с **Об**.

Диахронический аспект сопоставления детализирует и углубляет разницу стихотворного синтаксиса двух поэтов. Пушкинские переносы сохраняют пропорции самых частотных **Об**, **Пр**, **Дк** на протяжении всего творчества. У Баратынского пропорции лидеров несколько раз меняются. В первом периоде **Об** – основной лидер, а два других меняются местами: **Дк** больше **Пр** (возможно, сказало влияние Жуковского); во втором периоде **Об** возрастают, пре-

восходя пушкинский показатель этих связей – и суммарный, и по периодам; в третьем периоде **Об** резко уменьшаются и уступают первенство **Пр**. Такой ситуации у Пушкина не было. Таблица 3 зафиксировала и любопытную судьбу **Св**: сначала Баратынский внедряет сверхсильные связи активнее, чем Пушкин, а затем подобные опыты оставляет, в то время как Пушкин к **Св** обращался постоянно и с неизменной интенсивностью.

Из приведенных и осмысленных статистических данных по частотности и структуре стихотворных переносов в лирике Баратынского и Пушкина можно сделать следующие **выводы**. Через призму **enj** Баратынский предстает несомненно стихотворцем пушкинской эпохи. Пушкинская традиция просматривается в сдержанном употреблении **enj**, в преобладании типа **с-г**, широком спектре синтаксических связей, в лидерстве **Об**, **Пр**, **Дк**, в тенденции к медленному, но неуклонному росту частотности переносов. Сопrotивление пушкинской традиции проявилось в более высоком, в сравнении с Пушкиным, показателе **d-r**, в значительном преобладании дистантных связей, особенно в типе **с-г**, в большей доле **Дк**. Диахронический взгляд на материал показал характер отношения Баратынского-стихотворца к пушкинской традиции: в поисках «своей дороги» он часто менял структуру переносов, то утрируя приемы своего великого современника, то обходя его находки.

24.10.2011

Список литературы:

- 1 Баратынский, Е.А. Полное собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 464 с.
- 2 Бокушева, Г.А. Стихотворный перенос (на материале поэзии Н.А. Некрасова): Дис. ... канд. филол. наук. – Караганда, 2001. – 158 с.
- 3 Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Статьи о лингвистике стиха. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 288 с.
- 4 Гинсбург, Л.Я. О лирике. – М.-Л.: Сов. писатель, 1964. – 382 с.
- 5 Жирмунский, В.М. Теория стиха. – Л.: Сов. писатель, 1975. – С. 151–162.
- 6 Зубова, Л.В. Стихия и разум на границе строк (в продолжение темы «Стиховой перенос Марины Цветаевой») // Стихия и разум в жизни и творчестве Марины Цветаевой. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2005. – С. 375–386.
- 7 Лобанова, М.С. Синтаксическая характеристика стихового переноса (на материале русской поэзии XVIII-первой половины XIX в.): Дис. ... канд. филол. наук. – Л.: 1981. – 177 с.
- 8 Матяш, С.А. Стихотворный перенос: К проблеме взаимодействия ритма и синтаксиса // Русский стих: в честь 60-летия М.Л. Гаспарова. – М., 1996. – С. 189–202.
- 9 Матяш, С.А. К истории и типологии стихотворного переноса // Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика. – М., 2001. – С. 179–186.
- 10 Матяш, С.А. «Затяжной» перенос в русском стихотворном эпосе // Славянский стих. VII: Лингвистика и структура стиха – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 206–220.
- 11 Матяш, С.А. Переносы (enjambements) в лирике А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – №11. – С. 57–63.
- 12 Матяш, С.А. Типы интонации и типы переносов (enjambements) в поэзии В.А. Жуковского // Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспектива развития. – СПб, 2010. – С. 53–67.
- 13 Матяш, С.А. Переносы (enjambements) в поэзии Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. – СПб.: изд-во Пушкинского дома, 2010. – С. 278–290.
- 14 Тойбин, И.М. Е.А. Баратынский // История русской поэзии в двух томах. – Л.: Наука, 1968. – Т.1. – С. 342–367.

- 15 Федотов, О.И. Основы русского стихосложения: метрика и ритмика. – М.: Флинта, 1997. – 336 с.
16 Фризман, Л.Г. Творческий путь Баратынского. – М.: Наука, 1966. – 142 с.
17 Шапир, М.И. Статьи о Пушкине. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 399 с.
18 Шахвердов, С.А. Метрика и строфика Е.А. Баратынского // Русское стихосложение XIXв. – М.: Наука, 1979. – С. 278–328.

Сведения об авторах: **Матяш Светлана Алексеевна**, профессор кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, доктор филологических наук, профессор
460018, Оренбург, пр-т Победы 13, тел. (3532)372436, E-mail: kklksb@yandex.ru

UDC 821.0

Matyash S.A., Chekasina N.A.

Orenburg state university, e-mail kklksb.yandex.ru

VERSE ENJAMBEMENTS IN BARATYNSKY'S LIRICS IN CONTEXTS OF PUSHKIN'S TRADITION

The article presents the results of studies on Yevgeny Baratynsky's lyrics from point of view of verse enjambements functioning. Searched by the authors material is analyzed by its frequency and structure. Statistics results are interpreted in contexts of analogical data in Pushkin's lyrics. The authors show peculiarity in transformation of Pushkin's tradition by Baratynsky-poet, who sought his "own way" in poetry.

Key words: Yevgeny Baratynsky, theory of verse, verse syntax, enjambement, prosody, lyrics.